

ИМЯ ЛАКАНА В РОССИИ

Психоанализ равно Лакан

В России вокруг имени Лакана сложилась почти уникальная ситуация, которой больше нет нигде в мире, что имеет не только исторические предпосылки, но и клинические последствия. Если человек называет себя психоаналитиком, можно биться об заклад, что он приверженец Лакана, тогда как не-лаканисты именуют себя психоаналитическими психотерапевтами, психологами-психоаналитиками или психотерапевтами-психоаналитиками; быть психоаналитиком в России значит быть лаканистом. Это исключительно отечественная ситуация, которой больше нет нигде в мире.

Объясняется это отчасти и традиционным для России иконопочитанием: если в начале XX века «психоаналитик» равнялось «фрейдизм» (само слово впервые прозвучало по-русски), то сегодня место идола занял Жак Лакан. В прошлом веке ажиотаж вокруг имени Фрейда¹ схлынул как пена морская и не привёл к серьёзному прочтению, пониманию и усвоению его идей и клинической техники. Хотя русский язык был первым иностранным языком, на который перевели все труды классика, а бум психоанализа охватил всю Россию – от школьных учителей до председателей реввоенсовета, – тем не менее «собственных Платонов» и оригинальных русских психоаналитиков не появилось. Фрейд остался в России как австрийский интеллектуал, «автор теории о психических структурах личности» (как говорится о нём в *Большой Советской Энциклопедии*), одним словом, мыслитель и теоретик, труды которого и поныне читают на философских, а не на психиатрических факультетах.

Похожая история произошла и с Лаканом: в конце 1980-х в советской историко-философской литературе начали появляться переводы его работ, и Лакан изначально вошёл в нашу интеллектуальную среду как философ и семиотик. И потребовалось несколько лет и немало усилий, чтобы понять, что Лакан ещё и лечит, а не только философствует об означающих. Этот факт не менее парадоксален, поскольку в родной Франции Лакан философом не считается, его влияние на философию ещё нужно доказать, а философские перспективы его учения становятся предметом для отдельных научных исследований. Даже названия книг Журанвиля – *Lacan et la philosophie* (PUF, 2003) – и Клеро – *Lacan: Y a-t-il une philosophie de Lacan?* (Ellipses Marketing, 2006) – являются свидетельством скорее назревшего во-

¹ Мы сохраняем используемую Дмитрием Ольшанским форму написания фамилии основателя психоанализа. – *Прим. ред.*

проса, чем очевидного ответа. Что связывает Лакана с философией? Можно ли называть философом человека, который философией никогда не занимался? И не теряет ли философия свой предмет, когда её ключевыми фигурами мы делаем писателей, антропологов и психоаналитиков? Эти вопросы в России ставятся крайне редко и невнятно, а в область философии (тоже предельно размытую) попадает любая теория, так или иначе связанная с мировоззрением.

В России ещё десять-пятнадцать лет назад более актуальным был прямо противоположный вопрос: помогает ли «прохождение через фантазм» избавиться от страданий невроза? Можно ли вообще при помощи Лакана лечить пациентов? Довольно странные вопросы по отношению к человеку, который более полувека проработал в психиатрической больнице и почти каждую неделю проводил клинические разборы (материалы которых сохранились только в рукописях, но вполне доступны). Сегодня же, благодаря деятельности международных лакановских ассоциаций, школ и частной инициативе наших коллег, многие студенты из России получили образование и навыки дидактического анализа в Европе, там же проходят и стажировки. Как это ни парадоксально, но подавляющее большинство российских психоаналитиков, проходивших дидактический анализ в соответствии с международными стандартами, принадлежат к лакановским школам. В такой ситуации вполне естественно, что психоанализ в России заговорил по-французски, а не по-немецки, и начал восприниматься как французская штучка и синоним учения Лакана.

Ещё одна причина ассоциации психоанализа с именем Лакана заключается в том, что в России не очень активно развиваются другие направления и школы – кляйнеанские, винникоттовские, бионовские, – чего нельзя сказать о лакановских школах, активно экспансирующих свой дискурс на всё постсоветское пространство. Среди них можно назвать три наиболее крупные: Международная лакановская ассоциация (Шарля Мельмана), Школа Фрейдова поля (Жак-Алена Миллера) и Школа лакановского психоанализа (Ги лё Гофэ), – представители которых проводят множество семинаров, конференций и клинических ателье как в России, так и в ближнем зарубежье. И именно им мы обязаны всплеском интереса к психоанализу и привлечением новых людей к клинической работе; во многом благодаря усилиям французских коллег психоанализ в последние десятилетия перестал восприниматься как прикладная философско-искусствоведческая дисциплина и занял своё место в ряду клинических практик. Например, сегодня всё реже встречаются словосочетание «принимающий психоаналитик» (поскольку это тавтология) или противопоставление «прикладного» и «клинического психоанализа», которые циркулировали в те времена, когда каждый искусствовед или кинокритик считал долгом чести упомянуть о сексуальных влечениях и назвать себя «прикладным психоаналитиком».

Наконец, и для российского медицинского сообщества Лакан представляет психоанализ гораздо в большей мере, чем это делают Фрейд или Кляйн. Фокус здесь заключается в том, что в отношении классиков существует иллюзия пройденности материала: Фрейд давно и много переводился на русский язык, но переводился очень небрежно и выборочно, а местами просто безобразно; печальные последствия такого перевода очевидны. Тот «Фрейд», которого мы читали в 1970-е и образ которого прочно вошёл в бульварную прессу с «оговорками по Фрейду» и «всё от секса», как оказалось, имел мало общего с реальным Зигмундом Фрейдом. Сведённый к двум-трём расхожим формулам, Фрейд и сегодня остаётся одним из пройденных параграфов в истории психологии XX века. Тогда как Лакан оказался для медицинского сообщества новым и востребованным автором, пусть даже он провозглашал то же самое, что за полвека до него говорил Фрейд. Поэтому путь российского психоанализа часто пролегает от Лакана к Фрейду, а не наоборот, как обычно бывает в Европе и Америке. Не секрет, что ряды психоаналитиков наиболее активно пополняют философы, очарованные Лаканом как семиотиком, и психиатры, воспринявшие его клинические открытия.

Эротика психоанализа

В России имя Лакана стало тестом на психоанализ – то, о чём, должно быть, мечтал сам мэтр, – одно из двух: либо ты ориентируешься на лакановский дискурс, либо выпадаешь из поля психоанализа и занимаешься психотерапией и психологией. Не-лакановского психоанализа в России практически нет. Связный клинический дискурс и способ мыслить клинику дают не так много направлений: если не разделять позиции Лакана и не выдерживать дисциплину аналитического дискурса, то (свято место пусто не бывает) его займёт какой-то другой дискурс. Исследование психических процессов, помощь в разрешении кризисных ситуаций, психологическая поддержка, бизнес-консультирование, тренинг успешности и т. п. легко захватывают клиническое пространство и подчиняют себе процесс анализа, если не выдерживать технических рамок, упускать из рук аналитический дискурс. Если ты не способен быть объектом (а именно это требуется от аналитика), то легко соблазниться ролью господина, эксперта, знатока, помощника – одним словом, психотерапевта.

Итак, аналитик должен быть объектом. Объектом влечения, со всеми вытекающими последствиями: привязанность и отвращение, желание и презрение, садистские и эротические фантазии сходятся в его фигуре, как в образе материнской груди. Таким объектом стала автор этой теории Мелани Кляйн, которая в 1930–1940-х. буквально расколола психоаналитическое сообщество Англии на ярых сторонников и не менее яростных противников её аналитической техники. Для России такой фигурой явился Лакан: его либо

принимают целиком, либо полностью отвергают – и третьего пока не дано. Отчасти в силу новизны психоанализа для России, а новое всегда манит и пугает одновременно, свежая кровь быстро вскипает, но столь же быстро сворачивается, отчасти в силу самого лакановского дискурса и характера изложения, намеренно обострённого, иногда провокативного и предельно эстетизированного, исполненного изошрёнными интеллектуальными кульбитами, неожиданно ниспадающими до сальностей и фривольных анекдотов. Лакановский дискурс (в не менее ярком переводе Александра Черноглазова) либо зачаровывает, увлекая в свою кадрили, либо отвращает.

Такое положение дел, опять же, не характерно, скажем, для Франции, где почти каждый учёный муж имеет звёздные манеры, поэтому щегольство и заносчивость, а иногда и научное пижонство Лакана (на которое не раз указывали математики и лингвисты) не воспринимались здесь как нечто из ряда вон выходящее и мало кого эпатировали. А что касается харизмы, то до таких людей, как Шарко или Клерамбо (прямой учитель Лакана), самому ученику оказалось очень далеко. Во Франции он берёт не этим; да и Французская революция сделала хорошую прививку против культа личности. Поэтому на родине в гораздо меньшей степени Лакан является фигурой для идентификации, персоной, делящей общество на тех, кто «за» и «против», хотя, казалось бы, его прямые ученики и лично знакомые с ним люди должны быть больше захвачены аурой мэтра. Многие из них принимают его дискурс частично, соглашаются или оспаривают или дебатировать те или иные положения лакановского учения. Находят параллели и активно обращаются к опыту других аналитических направлений. Например, глава Школы лакановского психоанализа доктор Ги лё Гофэ одновременно является переводчиком Винникотта, старшего коллеги и оппонента Лакана по многим вопросам, – совершенно невыносимая ситуация для России. *Во-первых*, потому что Винникотт переведён очень избирательно и крайне посредственно, основные его работы пока доступны только в оригинале, а его клиническая техника и вовсе неизвестна в России, *во-вторых*, потому что сами российские психоаналитики верность психоанализу часто понимают как верность букве Лакана, а психоанализ сводится к догматике фрейдизма-лаканизма. Впрочем, история развития психоанализа свидетельствует о том, что такая привязанность к имени рано или поздно будет проработана; есть основания надеяться, что Россия не станет здесь исключением.

Но несомненная заслуга Лакана состоит в том, что он вернул нам эротику психоанализа. Ему либо поклоняются, либо люто ненавидят – в любом случае, Лакан создаёт поле страсти, активизирует влечения своих последователей, столь необходимые для развития психоанализа, запуска трансфера, без которого невозможно никакое познание. Поскольку психоанализ никогда не был просто обезличенным книжным знанием, которое можно получить на лекциях или семинарах, он требует личной включённости и даже аффективности; психоанализ начинается с желания психоанали-

тика, как говорит сам Жак Лакан – черпает из него своей ресурс. Психоанализ нельзя преподавать в университете вовсе не в силу его неудобоваримости, а потому, что он требует не ученической покорности и прилежания в заучивании, а страсти познания, которая может реализовать себя и быть проработана только в кабинете со своим психоаналитиком. Ценность психоанализа состоит именно в том, что его нельзя свести просто к сумме знаний, но при помощи знаний он влияет на влечения. Психоанализ в большей степени эротика, чем знание.

Как теория психоанализа не похожа на учебную дисциплину, так и клинический случай в психоанализе не имеет ничего общего с историей болезни в медицине, его нельзя свести просто к изложению симптома больного, постановке диагноза и описанию применяемой терапии; клинический случай в анализе неотделим от позиции аналитика, от его роли в трансфере и его собственного симптома. Нейтральность психоаналитика не равна отстранённости, холодности и незаинтересованности, как раз напротив, аналитик оказывается тем объектом, который провоцирует страсть и влечения пациента, поэтому и разбор клинического случая немислим без анализа желания психоаналитика, понимания его собственного влечения. Без этой эротики психоанализ превращается в простое оказание психологических услуг. Тех услуг, которые, будучи сопряжены со страховой медициной, выжигает на корню всё поле психоанализа, как можно судить по опыту Северной Америки. Поэтому именно страсть мы можем и должны противопоставить этой рыночной пси-индустрии, только эротизируя психоанализ мы сможем сохранить его дух. Именно об этом напоминает нам Лакан.

Психоанализ Лакана vs лакановский психоанализ

Ещё одной особенностью отечественной ситуации является то, что в России не существует различия между «психоанализом Лакана» – клиникой и теоретическими следствиями из неё, сделанными самим Жаком Лаканом, – и «лаканоуским психоанализом», техникой постакановских школ и групп, практикуемой учениками и последователями. Тогда как в Европе и Америках это разные, а иногда и противоположные понятия. Например, экс-президент Парижского психоаналитического общества (из которого Лакан был исключён в 1953 г.) Жильбер Дяткин пишет:

«Мы обязаны Лакану тем, что он привлёк внимание аналитиков к роли языка, и в особенности к двойному значению слов в интерпретации, но его теория языка, основанная на ассимиляции психоанализа структурной лингвистикой и антропологией, привела его в тупик. Многие другие теоретические находки Лакана, такие как логика механизма последствий, место стадии зеркала в развитии нарциссизма, отличие того, что он называл наслаждением и оргазмом, или различие “реального” и реальности, – постепенно были приняты в практике

даже теми аналитиками, которые не приняли ни лакановскую технику, ни его небрежность в дидактическом анализе»².

То есть многие достижения Лакана были приняты во всём мире даже не-лакановскими психоаналитиками, а иногда и его открытыми противниками, к каковым и принадлежит Парижское психоаналитическое общество. «Психоанализ Лакана», таким образом, является бесспорным наследием для всех психоаналитиков (особенно во Франции, где абсолютно все так или иначе почувствовали на себе аналитический дискурс Лакана), тогда как «лакановский психоанализ» и «лакановская техника» разделяются довольно узкой группой аналитиков и до сих пор вызывают нескончаемые дебаты и критику в свой адрес. Поэтому от зарубежных коллег часто можно услышать расхожее мнение, что Лакан был великим человеком и перевернул наше представление о психоанализе, но лакановская техника и лакановский дидактический анализ очень сомнительны. По этой причине многие известные ученики и последователи Лакана – Алан Дидье-Вейль, Михаэль Тюрнхайм, Пьер Лежандр, Юлия Кристева – не вошли ни в одну из лакановских школ.

Указанное различие тем более значимо, что сам Лакан всегда подчёркивал, что не является «лаканистом» и не воспринимает своё учение как особый клинический алгоритм, метод лечения или завершённую теорию, претендующую на самостоятельность. В своём последнем семинаре *Dissolution* (1980), когда Лакан объявил о роспуске Фрейдовой школы Парижа (*Ecole freudienne de Paris*), он говорил: «Если вы хотите, вы можете быть лаканистами, я же остаюсь фрейдистом» (лекция от 12 июля 1980). Сам Лакан считал, что открывает новую перспективу для фрейдовского психоанализа, его реконструкции, но никоим образом не претендует на создание своей собственной клинической техники. Тогда как «лакановский психоанализ» часто принимает гипотезы и вопросы, поставленные Лаканом, за руководство по лечению, смело беря на шит такие инновационные идеи, как прерванные сеансы или самонаречение аналитика, которое сам Лакан никогда не практиковал, – напротив, в его школах существовала ещё более сложная схема дидактического анализа и получения статуса АМЕ (аналитик – член школы), чем в критикуемой им Международной психоаналитической ассоциации (МПА).

Несмотря на то что Лакан часто критиковал британские и американские психоаналитические школы, проводя независимую и часто агрессивную политику, тем не менее он всегда искал диалога с Международной психоаналитической ассоциацией (возглавляемое им Французское общество психоанализа было ассоциировано в МПА), а его разрыв с МПА в 1964 г. явился результатом не только расхождений относительно дидактического анализа, но и тех действий, которые сам Лакан назвал интригами и провока-

² Diatkine G. *Jacques Lacan*. Paris: PUF, 1988. P. 24.

циями. Говоря о своём «отлучении» в выступлении от 15 января 1964 г., Лакан с надеждой замечает, что «даже если в наши дни выносится такой приговор, он всегда может быть аннулирован». В отличие от самого Лакана, в России ряд его последователей иногда противопоставляют «лакановский анализ» и «анализ эмпаевский», а некоторые радикально конфронтируют со всем не-лакановским. Именно эта страсть российских психоаналитиков является нашим симптомом, и именно она стоит на повестке дня, а её проработка находится в перспективе развития психоанализа в России. Сделать Лакана прививкой, а не вакциной или противоядием против рыночной пси-индустрии – в этом состоит наша задача.

Дмитрий Ольшанский,
сотрудник Института клинической медицины
и социальной работы им. М.П. Кончаловского
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)
и Institut des Hautes Etudes en Psychanalyse (Paris, France),
практикующий психоаналитик.